

Мюнхен: роковой перекресток на дороге войны

А. В. Торкунов*

Приближение годовщины начала Второй мировой войны дает новый импульс дебатам о происхождении этой величайшей трагедии. Переосмысление исторического опыта — естественный процесс, обусловленный появлением новых документальных данных, сменой поколений и эволюцией исторической памяти. К сожалению, в последние годы в него привносятся чисто политические и идеологические моменты, особенно со стороны молодых европейских государств, входивших ранее в состав СССР и социалистического лагеря. Озабоченные поисками своей новой идентичности, они пытаются пересмотреть генезис и даже саму природу Второй мировой войны для сведения счетов с советским прошлым и самоутверждения.

Основные вехи углубления европейского кризиса хорошо известны и общепризнанны: ремилитаризация Рейнской области нацистской Германией, политика невмешательства западных демократий в годы гражданской войны в Испании, аншлюс Австрии, мюнхенская сделка и советско-германские соглашения лета–осени 1939 г. Не вызывает сомнения, что на всех стадиях этого процесса сохранялась реальная возможность совместными усилиями остановить страны «оси» в их территориальных захватах. Вопрос о том, почему не удалось этого добиться и тем самым предотвратить Вторую мировую войну, является одним из ключевых для понимания ее причин и исторических уроков.

Здесь действовал целый ряд факторов. Политическая элита западных демократий в большинстве своем не понимала фанатизма и ненасытной агрессивности фашистского тоталитаризма, видела в Гитлере пусть опасного, но все же рационального политика, который не повернет штыки своих армий

против столпов западной цивилизации, и от которого можно будет откупиться за счет малых стран Европы и чуждого Советского Союза. Трагическую роль сыграл и узколобый эгоизм, стремление присоединиться к сильному и пожить за чужой счет, не гнушаясь использовать бедственное положение своих соседей, ставших жертвой агрессии со стороны крупных хищников. Чем еще можно объяснить поведение во время Мюнхенского кризиса тогдашних правительств Польши и Венгрии, которые, по словам Уинстона Черчилля, «поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии»?

Солидарности в борьбе против общей угрозы не меньше прочего мешали взаимная идеологическая враждебность, заслонявшая общность коренного интереса. Обе стороны видели друг в друге не столько союзников, сколько потенциальных противников, и пытались отвести удар нацистской военной машины от себя в сторону идеологического соперника. В результате вместо коллективного отпора

* Анатолий Васильевич Торкунов — академик РАН, ректор МГИМО.

агрессорам европейские страны действовали по принципу «спасайся кто может!», дав возможность Гитлеру и Муссолини вплоть до сентября 1939 г. добиваться своих целей без единого выстрела. Это был один из самых мрачных и постыдных периодов истории XX века — трагедия без героев, в которой даже жертвы агрессии чаще всего становились ее пособниками.

Советская политика была частью этой общей картины. Разница состояла в том, что вплоть до весны 1939 г. советская дипломатия была активнее и последовательнее французской и английской в стремлении наладить коллективное противодействие агрессорам. В преддверии Мюнхенского кризиса одна Москва не отказалась от своих гарантий Чехословакии и открыто заявляла о своей готовности прийти ей на помощь, если и Франция выполнит аналогичное обязательство. Она также предупреждала Польшу о том, что в случае ее нападения на Чехословакию будет считать это актом агрессии и денонсирует советско-польский договор о ненападении. Нарком Литвинов предлагал срочно созвать конференцию с участием Великобритании, Франции и России с приглашением Румынии и других малых стран для разрешения кризиса вокруг Чехословакии. Однако Чемберлен усмотрел в этом опасность «усиления большевизма», и советская инициатива осталась без ответа. «Поистине поразительно, — писал впоследствии Черчилль, — что это публичное и недвусмысленное заявление одной из величайших заинтересованных держав не оказало влияния на переговоры Чемберлена или на поведение Франции в данном кризисе... Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого заплатили за это».

Циничное игнорирование интересов СССР, оставшегося после Мюнхена наедине с вермахтом, было одним из последствий этой позорной сделки. Она подорвала всю систему союзов и квазисоюзов, которая могла служить противовесом фашизму — малую Антанту, французские гарантии Чехословакии и советско-французский договор 1935 г. Но главное — Мюнхен вырыл между Москвой и западными демократиями пропасть, преодолеть которую впоследствии оказалось невозможно. Мюнхен резко изменил общее соотношение сил в пользу стран «оси», устранил для Гитлера угрозу войны на два фронта и тем самым сделал для него приемлемым пойти на риск полного завоевания Европы.

Даже после того, как западные державы изолировали Советский Союз, а Гитлер ликвидировал Чехословакию в марте 1939 г., советское правительство не прекращало попыток договориться о совместном отпоре Германии. Его предложения от 17 апреля

проложили дорогу трехсторонним переговорам в Москве. То была последняя слабая возможность остановить роковое сползание к мировой войне. К несчастью, и она была упущена. Колебания западных держав, упрямство Польши в вопросе о проходе советских войск через ее территорию, непрекращающиеся попытки Лондона и Москвы договориться с Гитлером за спиной друг друга — все это обрекало переговоры на неудачу.

Для советского руководства пакетное соглашение с Гитлером стало зловещей альтернативой союзу с Францией и Великобританией, которая без лишних проволочек сулила гораздо более выгодное решение основных проблем безопасности: хотя бы временное ослабление германской угрозы, создание обширной буферной зоны на западных границах СССР, ослабление советско-японских противоречий. Главный стратегический выигрыш состоял не столько во времени — предотвращении или отсрочке германского нападения на СССР (которое тогда еще не значилось в повестке дня Гитлера), сколько в пространстве, позволившем увеличить глубину обороны. Появлялась надежда вообще отвести германскую агрессию на Запад, отплатив ему той же монетой за Мюнхен. Одновременно исключалась (или, по крайней мере, затруднялась) самая кошмарная перспектива, в которую, похоже, всерьез верили в Москве — создание единого антисоветского фронта всего Запада.

Я далек от того, чтобы оправдывать действия Сталина или изображать его по появившейся моде последних лет «трезвым реалистом», избравшим в тогдашней критической обстановке единственно верный путь.

Вместе с тем в корне неверно ставить знак равенства между политикой Сталина и Гитлера, и тем более — считать их одинаково ответственными за развязывание Второй мировой войны. Источником войны была агрессивная сущность фашизма, окрепшего и обнаглевшего благодаря западной политике умиротворения. Советская политика решала оборонительные, а не наступательные задачи, хотя на последнем этапе действовала очень грубыми методами. «Россия хладнокровно преследует свои интересы, — говорил Черчилль после вхождения Красной Армии на украинские и белорусские земли Восточной Польши. — Конечно, было бы лучше, если бы русские армии дошли до своих нынешних западных рубежей, как друзья и союзники Польши, а не как армия вторжения. Но то, что они туда дошли, необходимо для безопасности России перед нацистской угрозой». Советско-германские соглашения 1939 г. облегчили Гитлеру разгром Польши, но и без них Гитлер не отказался бы от операции «Вайс», тем более что французы с англичанами даже после объявления войны Германии отнюдь не спешили на помощь Польше.